

НИНА АГАФОНОВА (Тарту)

СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СМЕШАННЫХ МОРДОВСКИХ ГОВОРАХ С МОКШАНСКОЙ ОСНОВОЙ

Заселение эрзянами и мокшанами современной территории Куйбышевской области происходило в разное время и разными путями. А. Е. Алихова, по данным археологии, поселение мордвы в Куйбышевском Поволжье относит к периоду монгольского завоевания. Об этом свидетельствует типично мокшанский Муранский могильник. Часть мордвы, по ее мнению, переселилась в то же время и за Волгу — близ современного Куйбышева. Здесь, судя по материалам Барабашинского могильника, одновременно жили и мокша и эрзя (Алихова 1965 : 143). К. И. Козлова считает, что мордовское население появилось в Поволжье в XVII столетии (Козлова 1964 : 16). Формирование говоров территорий позднего заселения проходило и проходит в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов. Переселенцы эрзя и мокша были выходцами из различных местностей. В новых селениях они оказывались соседями. В процессе продолжительной совместной жизни сплетаются разные мокшанские и эрзянские языковые признаки, постепенно взаимопроникают одни и отступают другие черты. Так формируются новые говоры — смешанные — с основой либо мокшанской при определенных эрзянских чертах, либо наоборот. В них, кроме того, наблюдается ряд явлений, которые в литературных языках, диалектах и говорах развивались по-разному. Эрзя-мокшанские говоры Куйбышевской области подвергались и подвергаются сильному влиянию русского языка. В настоящее время носители их двуязычны. Зачастую они, особенно молодежь, неосознанно переносят грамматические модели русского языка в свой бесписьменный говор.

В статье делается попытка описать особенности словоизменения существительного смешанных говоров с мокшанской основой с. Подстёпки (бывш. Мордовская Борковка) Ставропольского района, сел Шелехметь и Торное Волжского района Куйбышевской области. Ранее эти говоры специально не исследовались. Имеется лишь дипломная работа, выполненная на кафедре мордовских языков Мордовского государственного университета (Шукшина 1979).

По семантико-грамматическим признакам в описываемых говорах, как и в литературных языках, выделяются три склонения: основное (неопределенное), указательное (определенное) и притяжательное.

В основном склонении существительные изменяются по 14 падежам. Единственное и множественное число различаются только в номина-

тиве. Вслед за С. З. Деваевым и М. Т. Бибиним мы выделяем в анализируемых говорах иллатив и латив, которые близки по своей семантике, но не совпадают и не заменяют друг друга (Деваев 1963 : 322—327; Бибин 1964 : 114). В литературных языках, как известно, они объединены в один падеж — направительно-вносительный.

Ниже сопоставляются парадигмы склонения существительного в исследуемых говорах и в литературных языках.

Основное склонение

исследуемые говоры		мокш.	эрз.
ед. ч. <i>kud</i> 'дом'			
номинатив	<i>kud</i>	<i>куд</i>	<i>кудо</i>
генитив	<i>kudj-ń</i>	<i>кудонь</i>	<i>кудонь</i>
датив	<i>kudj-ńdi</i>	<i>кудонди</i>	<i>кудонень</i>
аблатив	<i>kudj-da</i>	<i>кудта</i>	<i>кудодо</i>
инессив	<i>kudj-sa</i>	<i>кудса</i>	<i>кудосо</i>
элатив	<i>kudj-sta</i>	<i>кудста</i>	<i>кудосто</i>
иллатив	<i>kuc</i>	<i>кудс</i>	<i>кудос</i>
латив	<i>kud-u</i>	<i>куду</i>	<i>кудов</i>
пролатив	<i>kud-ga</i>	<i>кудга</i>	<i>кудова</i>
транслатив	<i>kut-ks</i>	<i>куткс</i>	<i>кудокс</i>
компаратив	<i>kudj-ška</i>	<i>кудишка</i>	<i>кудошка</i>
абессив	<i>kut-ftima</i>	<i>кудфтома</i>	<i>кудовтомо</i>
каузатив	<i>kud-eŋksa</i>	<i>кудонкса</i>	
комитатив	<i>kudj-ńek</i>		

мн. ч.

номинатив	<i>kuĩ</i>	<i>кутт</i>	<i>кудот</i>
-----------	------------	-------------	--------------

Основное склонение описываемых говоров в целом совпадает с таковым мокшанского литературного языка. Различия незначительные. В говорах мало употребительна синтетическая форма аблатива. Значение его в основном передается аналитически: генитив основного склонения + послелог *naŋga* 'о'. Известно, что мокшанский литературный язык может иметь два вариантных суффикса латива: *-u*, *-i* (Серебренников 1967 : 25), которые восходят к суффиксу *-ŋ* (Бубрих 1953 : 58—59). В эрзянском литературном языке этот падеж выражается морфемой *-v*. В смешанных говорах имеются алломорфы *-v*, *-u*, *-i*, *-j*. Алломорф *-u* выступает после непарных и твердых парных согласных, которые предшествуют гласным заднего ряда. После мягких парных согласных и непарных, которым предшествуют гласные переднего ряда, употребляется *-i*. Суффикс *-v* употребляется после исходных гласных *a* и *o*. В анализируемых говорах суффикс латива имеет два варианта *-u* и *-v*. Под действием регрессивной губной ассимиляции суффикс *-i* полностью вытеснен суффиксом *-u*: *velu* 'в село', *piŋu* 'в огород', *viŋu* 'в лес'. Такая же тенденция имеется и в говорах на скафтымской мордвы (Бибин 1964 : 116).

В рассматриваемых говорах широко употребительны каузатив и комитатив, которые в других изолированно развивающихся говорах либо отсутствуют, либо передаются послеложными конструкциями.

Категория указательности выражается с помощью тех же суффиксов, что и в других мордовских говорах и литературных языках, но падежная система богаче. Парадигма указательного склонения вклю-

kud 'дом'

	I	II	III	IV
1 л. - <i>že</i>	<i>kudĭ-že</i>	<i>-ńe kudĭ-ńe</i>	<i>-ńeke kudĭ-ńeke</i>	<i>-ńeke kudĭ-ńeke</i>
2 л. - <i>će</i>	<i>kudĭ-će</i>	<i>-tńe kudĭ-tńe</i>	<i>-ńke kudĭ-ńke</i>	<i>-ńke kudĭ-ńke</i>
3 л. - <i>c</i>	<i>kudĭ-c</i>	<i>-nza kudĭ-nza</i>	<i>-cna kudĭ-cna</i>	<i>-cna kudĭ-cna</i>

В I л. III и IV серий вместо мокшанского литературного суффикса *-ń'кѣ* в исследуемых говорах *-ńeke*. Во 2 л. тех же серий наличествует *-ńke*, а в литературном языке *-ń'т'э*. Притяжательные суффиксы I и 2 л. этих серий различаются между собой наличием или отсутствием интерфикса *-e-* не только в номинативе, но и во всех косвенных падежах.

В парадигмах рядов по сравнению с мокшанским литературным языком выявляются значительные различия. Известно, что в финно-угорских языках порядок следования падежных окончаний и притяжательных суффиксов не един. В финском языке, например, притяжательные суффиксы нарастают на падежные (Penttilä 1963 : 122—123), в венгерском предшествуют падежным окончаниям (Майтинская 1955 : 123). В мордовских литературных языках порядок следования посессивных суффиксов такой же, как и в финском языке, исключение составляют номинатив, генитив и датив мокшанского языка, где он совпадает с венгерским языком. В рассматриваемых нами говорах имеются также формы: основа слова + падежный суффикс + притяжательный суффикс, начиная с инессива, но наряду с ними здесь возникли новообразования на основе мокшанского датива, как в указательном склонении. В новообразованиях притяжательный суффикс присоединяется непосредственно к основе существительного, за которым следуют морфема датива и падежный аффикс: *stĭrežeńdĭsa* 'в моей дочери', *stĭrežeńdĭsta* 'из моих дочерей'.

moń 'мой'

ед. ч.

мн. ч.

silme 'глаз'

номинатив	<i>silme-že</i>	<i>silme-ńe</i>
генитив	<i>silme-žeń</i>	<i>silme-ńeń</i>
датив	<i>silme-žeńdĭ</i>	<i>silme-ńeńdĭ</i>
инессив	<i>silme-žeńdĭsa</i> <i>silme-sen</i>	<i>silme-ńeńdĭsa</i>
элатив	<i>silme-žeńdĭsta</i> <i>silme-sten</i>	<i>silme-ńeńdĭsta</i>
иллатив	<i>silme-žeńdĭs</i> <i>silme-zen</i>	<i>silme-ńeńdĭs</i>
пролатив	<i>silme-žeńdĭge</i> <i>silme-van</i>	<i>silme-ńeńdĭge</i>
компаратив	<i>silme-žeńdĭška</i> <i>silme-škan</i>	<i>silme-ńeńdĭška</i>
абессив	<i>silme-žeńftema</i>	<i>silme-ńeńftema</i>
каузатив	<i>silme-žeńdĭńksa</i>	<i>silme-ńeńdĭńksa</i>

toń 'твой'

soń 'его'

номинатив	<i>silme-će</i>	<i>silme-c</i>	<i>silme-nze</i>
генитив	<i>silme-ćeń</i>	<i>silme-nc</i>	<i>silme-nzeń</i>

датив	<i>šilme-čėndi</i>	<i>šilme-nciŋ</i>	<i>šilme-nzėnde</i>
инессив	<i>šilme-čėndisa </i> <i>šilme-seŋ</i>	<i>šilme-senzė </i> <i>šilme-nzėndesa</i>	
элатив	<i>šilme-čėndista </i> <i>šilme-stė</i>	<i>šilme-stenzė </i> <i>*šilme-nzėndesta</i>	
иллатив	<i>šilme-čėndis </i> <i>šilme-zet</i>	<i>šilme-zenza </i> <i>šilme-nzėndes</i>	
пролатив	<i>šilme-čėndige </i> <i>šilme-vaŋ</i>	<i>šilme-vaŋza </i> <i>šilme-nzėndige</i>	
компаратив	<i>šilme-čėndiška </i> <i>šilme-škāt</i>	<i>šilme-škanza </i> <i>šilme-nzėndiška</i>	
абессив	<i>šilme-čėñftema</i>	<i>šilme-nzėñftema</i>	
каузатив	<i>šilme-čėndiŋksa</i>	<i>šilme-nzėndiŋksa</i>	

miñ 'наш'

ед. и мн. ч.

tiñ 'ваш'*siñ* 'их'

ед. и мн. ч.

номинатив	<i>šilme-ñeke</i>	<i>šilme-nk</i>	<i>šilme-sne</i>
генитив	<i>šilme-ñekeñ</i>	<i>šilme-nkeñ</i>	<i>šilme-sneñ</i>
датив	<i>šilme-ñekeñdi</i>	<i>šilme-nkeñdi</i>	<i>šilme-sneñdi</i>
инессив	<i>šilme-ñekeñdisa </i> <i>šilm-senėk</i>	<i>šilme-nkeñdesa </i> <i>šilm-senėk</i>	<i>šilme-sneñdisa </i> <i>šilme-sest</i>
элатив	<i>šilme-ñekeñdista </i> <i>šilm-stenėk</i>	<i>šilme-nkeñdesta </i> <i>šilme-stenėk</i>	<i>šilme-sneñdista </i> <i>šilme-stest</i>
иллатив	<i>šilme-ñekeñdis </i> <i>šilme-zenėk</i>	<i>šilme-nkeñdis </i> <i>šilme-zenėk</i>	<i>šilme-sneñdis </i> <i>šilme-zest</i>
пролатив	<i>šilme-ñekeñdige </i> <i>šilme-vaŋiėk</i>	<i>šilme-nkeñdige </i> <i>šilme-vaŋiėk</i>	<i>šilme-sneñdige </i> <i>šilme-vaŋst</i>
компаратив	<i>šilme-ñekeñdeška </i> <i>šilme-škaneėk</i>	<i>šilme-nkeñdiška </i> <i>šilm-škaneėk</i>	<i>šilme-sneñdeška</i>
абессив	<i>šilme-ñekeñftema</i>	<i>šilme-nkeñftema</i>	<i>šilme-sneñfteme</i>
каузатив	<i>šilme-ñekeñdiŋksa</i>	<i>šilme-nkeñdiŋksa</i>	<i>šilme-sneñdiŋksa</i>

Из парадигм видно, что в ряду *toiñ* 'мой' различаются формы ед. и мн. числа обладаемых. В ряду *soiñ* 'его' это разграничение характерно лишь для номинатива, генитива и датива. В рядах же *toiñ* 'твой', *miñ* 'наш', *tiñ* 'ваш', *siñ* 'их' число обладаемых не маркируется морфологически, эти формы совпадают.

В анализируемых говорах и в притяжательном склонении имеется каузатив: *jalgačėndiŋksa* 'из-за твоего друга', *ateñekeñdiŋksa* 'из-за наших дедов'. В притяжательном склонении выступает каузатив, построенный на основе датива.

В отличие от других падежей абессив строится на основе генитива: *ava-žėñ-fteme* 'без моей матери (букв. матери-моей-без)'; *tume-čėñ-fteme* 'без твоего дуба (букв. дуба-твоего-без)'. Аналогичное явление наблюдается в говоре д. Новое Урметьево Челно-Вершинского района Куйбышевской области и, по данным К. И. Ананьиной, в верхнеалатырских говорах мокшанского языка (Ананьина 1972 : 39).

Нужно сказать, что для парадигмы ряда *toiñ* 'мой' один обладатель и одно обладаемое не характерно употребление первичного посессивного суффикса этого ряда. Во всех падежах выступает вторичный суффикс *-ze*, который в мокшанском литературном языке имеется только в трех падежах: номинативе, генитиве и дативе. История посессивного суффикса *-že* получила достаточно полное освещение в науч-

ной литературе (Raasonen 1903 : 64, 122; Бубрих 1953 : 202; Феоктистов 1963 : 65—66; Серебренников 1967 : 55).

Наши наблюдения приводят к следующим выводам:

1. Синтетическая форма аблатива в исследуемых говорах мало употребительна. Широко употребляются каузатив и комитатив.
2. Падежная система указательного склонения в говорах богаче, чем в мокшанском литературном языке.
3. Своеобразие этих говоров заключается в том, что косвенные падежи, начиная с инессива (за исключением абессива), указательного и притяжательного склонений строятся на основе датива. Нужно сказать, что в речи носителей данных говоров более употребительны новообразования на основе датива и аналитические формы. Косвенные падежи, не осложненные морфемой датива, встречаются реже.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А. Е. 1965, Расселение мордовского народа по данным археологии. — Этногенез мордовского народа, Саранск, 142—143.
- Ананьина К. И. 1972, Особенности в системе склонения существительных верхнеалатырских говоров мокша-мордовского языка. — Материалы межвузовской конференции молодых ученых Волго-Вятского региона (филологическая секция), Саранск, 38—39.
- 1974, Верхнеалатырские говоры мокшанского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- Бибин М. Т. 1964, Говоры наскафтымской мордвы. — Ученые записки № 43 (мордовская филология), Саранск, 19—159.
- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Деваев С. З. 1963, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов II, 261—432.
- Козлова К. И. 1964, Этнография народов Поволжья, Москва.
- Майтинская К. Е. 1955, Венгерский язык I. Введение. Фонетика. Морфология, Москва.
- Серебренников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Феоктистов А. П. 1963, Категория притяжательности в мордовских языках, Саранск.
- Шукшина В. С. 1979, Куйбышевской областень Волжской райононь Торное и Шелехметь велень корхамаса существительнайть морфологияц (рукопись хранится в Мордовском государственном университете).
- Raasonen, H. 1903, Einige bemerkungen über die formen der possessivsuffixe. — H. Raasonen, Mordwinische lautlehre, Helsingfors, 120—123 (MSFOu XXII).
- Penttilä, A. 1963, Suomen kielioppi. Toinen, tarkistettu painos, Porvoo-Helsinki.

NINA AGAFONOVA (Tartu)

NOMINAL DECLENSIONS IN THE MIXED DIALECTS OF MORDVINIAN HAVING THE MOKSHA SYSTEM AS THEIR BASE

The article treats specific features of the dialects of the Podstepki village of the Stavropol region and the villages Selechmet' and Tornovoje of the Kujbyšev oblast. The dialects under consideration present a blending of both the Erza and Moksha systems. Paradigms of the main declension in the dialects coincide with those of Moksha. Specific features are found in the possessive and demonstrative declensions. First, all the oblique cases, beginning with the inessive, are formed on the basis of the formant of the dative. The only exception is the abessive, in the formation of which the formant of the genitive is used. Secondly, the ablative case has a limited usage even in the main declension. Thirdly, there is the causative case distinguished in all the three declensions.